

УДК 34:002.6
DOI: 10.26140/bg23-2019-0804-0082

**СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРРЕАЛИЙ**

© 2019
AuthorID: 377145
SPIN: 1708-9960
ResearcherID: Q-5694-2019
ScopusID: 56613375000
ORCID: 0000-0003-1325-7967

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории и российского и зарубежного права *Владивостокский государственный университет экономики и сервиса* (690014, Россия, Владивосток, Гоголя 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)

AuthorID: 726593
SPIN-код: 9630-3761
ResearcherID: M-1416-2014

Мирошнichenko Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридическая школа
Губкина Алена Игоревна, магистр, 2 курс, Юридическая школа
Дальневосточный федеральный университет (690922, Россия, Владивосток, п. Аякс, e-mail: olga-star.05@mail.ru)

Аннотация. Ключевой идеей исследования является вопрос о соотношении таких категорий как «государственный суверенитет» и киберпространство». Авторы считают, что существующая теория права и позитивное правовое регулирование на настоящем этапе не предлагают разумных вариантов взаимодействия и сосуществования указанных понятий. В условиях, произошедших за последние 30 лет, кардинальных изменений существующих реалий общественных отношений, встает вопрос о дифференциации правового регулирования. Сегодня технический прогресс существенно опережает социальное, в частности, правовое регулирование, которое, в свою очередь, серьезно завязано на государстве или, как подтвердит любой студент-юрист, «территориальной организации власти в обществе, обладающей суверенитетом...». И здесь возникает основной вопрос о разумности обозначенной формулировки. Подходит ли она под существующие реалии? Или сама по себе является препятствием для правовой актуализации? В рамках статьи анализируются различные подходы к правовому урегулированию отношений в рамках киберпространства, а также предлагаются два варианта наднационального регулирования указанных правоотношений – через разработку и создание внегосударственного международного органа, который будет обладать не только возможностью контроля общественных отношений в рамках киберпространства, но и специальными рычагами принуждения для воздействия на граждан любых государств, либо с помощью создания глобальной системы международных актов, которая бы регулировала большую часть существующих вопросов о взаимодействии лиц в киберпространстве и включала в себя четкий механизм быстрого реагирования на возникновение новых отношений в указанной сфере. Авторы также полагают, что неспособность на теоретическом уровне концептуализировать соотношение указанных категорий, может в будущем привести к дискредитации таких понятий как «национальное государство» и «государственный суверенитет».

Ключевые слова. Государственный суверенитет, киберпространство, государственная юрисдикция, киберсеть

**STATE SOVEREIGNTY: SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT
OF MODERN CYBER REALITIES**

© 2019

Mamychev Aleksei Yurievich, doctor of political sciences, candidate of legal studies, professor
Vladivostok state university of economic and service
(690014, Russia, Vladivostok, Gogolay st. 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)
Miroshnichenko Olga Igorevna, candidate of legal science, associate professor
Gubkina Alyona Igorevna, master, 2nd year, Law school
Far Eastern Federal University
(690922, Russia, Vladivostok, p. Ajax, e-mail: olga-star.05@mail.ru)

Abstract. The key idea of the study is the question of the correlation of such categories as "state sovereignty" and cyberspace". The authors believe that the existing theory of law and positive legal regulation at the present stage do not offer reasonable options for interaction and coexistence of these concepts. In the conditions of the cardinal changes of the existing realities which have occurred for the last 30 years there is a question of differentiation of legal regulation which is still calculated more on the public relations existing in the XX century. Today, technological progress is significantly ahead of social, in particular, legal regulation, which, in turn, is seriously tied to the state or, as any law student will confirm, "the territorial organization of power in society, which has sovereignty...". And here the main question arises about the reasonableness of the indicated formulation. Does it fit the existing realities? Or is it in itself an obstacle to legal actualization? The article analyzes different approaches to the legal regulation of relations within cyberspace, and offers two options for supranational regulation of these legal relations – through the development and creation of an extraterritorial international body that will have not only the ability to control public relations within cyberspace, but also special coercive levers to influence the citizens of any state, or through the creation of a global system of international acts that would regulate most of the existing issues of interaction of persons in cyberspace and would include a clear mechanism for rapid response to the emergence of new relations in this area. The authors also believe that the inability at the theoretical level to conceptualize the relationship of these categories may in the future lead to the discredit of such concepts as "national state" and "state sovereignty".

Keywords: National sovereignty, cyberspace, national jurisdiction, cyber net.

ВВЕДЕНИЕ

Современные инновационно-технологические достижения современного общества, развитие цифровых технологий таких как виртуальная и дополненная ре-

альность, распространение сетевых сообществ, переходящих любые государственно-правовые границы, этнополитические маркеры и т.п., проблематизируют как сам концепт государства, так и его суверенные качества.

Еще 20-30 лет назад субъект, сомневающийся в могуществе гоббсовского Левиафана (государства) или высказывавший мысль о «роботизации через глобализацию», казался чудаком и мечтателем. Сегодня идея «большой деревни» [1] не только не кажется утопией, но зачастую пугает своей реальностью. При на уровне современной теории политики всерьез размышляют над виртуальными технологиями и цифровых субъектах публично-властного взаимодействия. В рамках юридической науки прочно оформляется мысль о кибер правовой системе, не существующей в рамках никакой территориальности, но тем не менее, обладающей всеми признаками указанной теоретической категории. Но самое интересное (или пугающее, в зависимости от субъекта и контекста рассмотрения), что самих акторов нового пространства, так называемого cyberspace, выкладки ученых и теоретиков мало волнуют. Такие гиганты как Amazon, Facebook и т.д. фактически доказывают свою состоятельность, отдавая на откуп ученых лишь аналитику собственной деятельности.

Таким образом, отрицать произошедшие за последние 30 лет кардинальные изменения существующих реалий элементарно неразумно. Встает вопрос о дифференциации правового регулирования, которое все еще рассчитано в большей степени на существовавшие в XX столетии общественные отношения. Сегодня технический прогресс существенно опережает социально-политическое, в частности, правовое регулирование, которое, в свою очередь, серьезно завязано на государстве – «территориальной организации власти в обществе, обладающей суверенитетом...». И здесь возникает целая серия вопросов, которые, безусловно, связаны между собой и определяются проблематику данной работы: а так ли разумна указанная формулировка? Подходит ли она для описания разворачивающихся реалий? Это научная метафора или адекватное понятие для описания политической реальности, которое также может быть использовано и для правовой аргументации?

Активное использование современных технологий в жизни граждан большинства стран мирового сообщества – данность, необходимость. Но что делать с основной обязанностью государства – защитой прав и законных интересов своих граждан, которая весьма осложнена в современный «киберусловиях»? В частности, в попытках государств защищать интересы своих граждан в пространстве, не имеющем географических границ, возникает проблема соотношения таких категорий, как государственственный суверенитет и киберпространство. Считаем, что основным в указанном контексте становится вопрос о модернизации самой классической концепции государственного суверенитета. Если сегодня не пересмотреть основные теоретические категории, мы рискуем прийти к реализации провозглашенного Декларацией независимости киберпространства принципа: «киберпространство – это так называемый terra nullius, к которому исторически созданные социальные регулятивы и законы не имеют никакого отношения и в рамках которого они будут воссозданы заново» [2].

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель исследования – анализ соотношения таких категорий как «государственный суверенитет» и киберпространство». Методы: исследование основано на применении логического, диалектического приемов научного познания, сравнительно-правового метода. Авторами предлагаются два варианта наднационального регулирования указанных правоотношений – через разработку и создание внетерриториального международного органа, который будет обладать не только возможностью контроля общественных отношений в рамках киберпространства, но и специальными рычагами принуждения для воздействия на граждан любых государств, либо с помощью создания глобальной системы международных актов, которая бы регулировала большую часть существующих вопросов о взаимодействии лиц в ки-

берпространстве и включала в себя четкий механизм быстрого реагирования на возникновение новых отношений в указанной сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Теория суверенитета и ее трансформация в XXI веке. Очевидно, что, прежде чем обсудить проблематику трансформации классической теории суверенных качеств государства, необходимо разграничить два обсуждаемых понятия – суверенитет и гиперпространство, выделив не только их специфические характеристики, но и возможные общие черты.

Воспользуемся, например, классическим определением «суверенитет», которое трактуется преимущественно как формально-юридическая категория [3] или атрибутивное политико-правовое качество государства [4]. В данном аспекте суверенитет это неотъемлемая политико-правовое качество государства, необходимое конституционно-правовое свойство, отражающее государственно-территориальную целостность, верховенство и юридическое единство, а также способность и возможность государства быть независимым представителем общества на международно-правовой арене и самостоятельно реализовывать основополагающие функции, приоритеты и направления правовой политики последнего. Иными словами, суверенным государством в международном праве считается такое государство, чья юрисдикция распространяется на всю его географическую территорию и не зависит от юрисдикции иного государства [5].

Процесс переосмысления категории «суверенитет» рассматривается сегодня в качестве естественного и достаточно очевидного итога формирования нового этапа интернационализации – глобального мироустройства [6]. Причем новый формат изложения этой категории связан в практическом плане – с формированием глобального мирового политического порядка, его стандартов, параметров и режима функционирования, правил и систем поддержки, а в теоретическом смысле – с формулированием внесуверенных (международных) аксиом и ценностей, нового планетарного космополитического мировоззрения. Все это понятно и объяснимо, поскольку сегодня в политической риторике и научных исследованиях главный упор делается не на объективные глобальные тенденции, социокультурный диалог и обмен, а, напротив, на процесс формирования нового *постсуверенного мирового порядка*.

Современный проект постсуверенизации государственно-правовых образований рассматривает и анализирует государственную власть не как прежде – с точки зрения национально-культурной уникальности (близости или отдаленности в политическом, социально-духовном, правовом, экономическом и ином развитии), а сквозь призму включенности государств в формируемый порядок, соответствия его стандартам, а также легитимации того или иного политического режима со стороны международного сообщества. В этом глобалистическом дискурсе используются и другой концептуальный ряд, иная логика рассмотрения проблем. Так, проблема безопасности переносится с суверенных территорий и рассматривается с международной точки зрения (внетерриториальной, планетарной, всеобщей). Легальность и легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается не через обеспечение целостности, единства, стабильности суверенного государства, а посредством международного санкционирования, т.е. признание этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей идеологии.

Вообще, процессы развития глобальной политической коммуникации не только «вводят» новых акторов взаимодействия, но и изменяют привычные формы и технологии признания и одобрения публично значимых решений. Так, сегодня в глобальном политическом процессе национальная система государственной власти

выступает лишь одним из акторов наравне с транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, международными сообществами и проч. Причем решения глобальных проблем, по справедливому заключению Ульриха Бека, «открывают новые внедемократические, внегосударственные источники обоснования самого себя легитимности: голосование заменяется одобрением» [7]. В этом изменяющемся формате политического взаимодействия на глобальном уровне национальные формы легализации и легитимации публичной деятельности полностью игнорируются, трактуются как неэффективные, неадекватные, не отвечающие новым принципам, правилам и задачам глобального политического процесса.

Становление постсуверенного порядка проводит и к размыванию производной от суверенитета государственной власти категории «легитимного и легального насилия», «поскольку дискурс гуманитарных прав и опирающиеся на него военные интервенции и другие узаконенные акции, — замечают современные исследователи М. Хардт и А. Негри, — способствовали постепенному продвижению к делегитимации государственного насилия даже при осуществлении его на собственной национальной территории». В этой ситуации исчезновение монопольного (суверенного) права государства на легальное и легитимное принуждение ставит весьма тревожные вопросы: «Если насилие со стороны государства априорно нельзя считать легитимным, то, от чего зависит теперь легитимность насилия? Является ли всякое насилие легитимным в равной мере? Есть ли, скажем, у бен Ладена и “Аль-Каиды” столь же законное право на совершение насилия, как и у американских военных? Является ли насилие палестинских групп, направленное против израильских граждан, в той же мере законным, что и насилие израильских военных против граждан Палестины?». Поэтому в мировом порядке, «где, — продолжают вышеназванные авторы, — никакое насилие не будет легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом... все существующие сейчас определения терроризма неустойчивы и зависят от того, кто или что определяет их основные компоненты: законность правительства, права человека и правила ведения войны» [8, с. 43].

В соответствии с вышесказанным следует сделать важное для последующего анализа процессов десоверенизации теоретико-методологическое замечание: достаточно устоявшимся в современной исследовательской практике стало утверждение об объективности процессов глобализации, или, более точно, об объективности процессов глобальной трансформации государства и права. С этим можно согласиться лишь частично, поскольку закономерным видится межгосударственное сотрудничество при решении многих глобальных проблем. Однако это не означает, что процесс глобальной унификации национального законодательства, отмирания суверенного качества государственной власти носит объективный характер.

Суверенитет государства vs гиперпространство. Таким образом, государственный суверенитет есть политико-территориальное и правовое поле, которое держит в сохранности правовую политику конкретного государства, организацию общественных отношений внутри этого государства и позволяет ограничить воздействие глобализации на отношения, в которые вступают его граждане. Его роль значительно снизилась с развитием информационных коммуникаций и технологий, которые создали отдельное пространство, не подвергаемое географическому разграничению.

Верховный суд США определяет киберпространство, как уникальный носитель, известный его пользователям как киберпространство, не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет. В свою очередь, Международная организация по стандартизации дает следующее опреде-

ление киберпространства: сложная среда, которая возникает в результате взаимодействия людей, программного обеспечения и предоставления услуг в Интернете посредством технологических устройств и сетей, подключенных к нему, которая не существует ни в какой физической форме [9].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что киберпространство представляет собой созданное на основании всеобщей сети Интернет информационное поле, в рамках которого возникают общественные отношения правового характера, не определяемые какими-либо территориальными границами.

В свете этого, вопрос о соотношении категорий киберпространства и государственного суверенитета в международном праве является актуальным, ведь сфера распространения первого феномена, а равно и юрисдикции конкретного государства, традиционно определялась его территорией. Киберпространство же нематериально и не подвержено географическим рамкам, вследствие чего возникает проблема определения сферы распространения государственной юрисдикции на конкретный объем киберпространства. Более того, возникает вопрос о самой возможности определения юрисдикционных границ государств в киберпространстве.

Бесспорно, киберпространство является средой, в которой, в том числе, возникают общественные отношения правового характера. Однако, в отличие от правоотношений, реализуемых в рамках территориальной юрисдикции, их кибер-аналоги не подвержены регулированию конкретным государством, вследствие чего возникает проблема защиты прав и интересов граждан, в случае если они вступают в какое-либо общественное отношение через кибер-сеть. Так, при рассмотрении дела *American Libraries Ass'n v. Pataki* суд США пришел к выводу о том, что географические рамки не могут быть применимы к Интернету. Он провозгласил, что пользователи конкретного интернет-ресурса не знают и не интересуются его физическим нахождением. Суд заявил, что интернет-протоколы были разработаны скорее для того, чтобы игнорировать, а не подтверждать географическое местоположение. Фактически это судебное решение говорит о бесполезности географических границ в Интернете.

Тем не менее, существует и категорически иная точка зрения на «территориальность» и необходимый тип регулирования киберпространства, декларируемая и продвигаемая, в частности, такими государствами как РФ и КНР. С точки зрения обозначенного подхода, в рамках каждого конкретного государства должны существовать так называемые *codes of conduct*, обозначающие устраивающие конкретную страну принципы регулирования киберпространства. Иными словами, в данном случае киберсреда — это отнюдь не сфера свободного обмена информацией между акторами вне зависимости от их национальности, гражданства и иных характеристик, а достаточно четко урегулированная позитивным правом часть национальной правовой системы.

В любом случае, очевидно, что на настоящем этапе международное право, исходящее главным образом из принципа территориальности, не готово к четкому урегулированию юридических конфликтов, в которых задействованы такие внегосударственные образования, как Интернет [10].

Мировой опыт демонстрирует достаточное количество попыток установления границ киберпространства путем средств идентификации. Наиболее предсказуемым методом проведения принципа суверенитета в киберпространстве являются попытки идентифицировать информацию в сети и ее отношение к конкретному государству. Например, сайты содержат URL индикаторы происхождения вроде “ru”, “nl”, однако это никак не способствует распространению суверенитета того или иного государства на отношения, которые возникают в связи с взаимодействием конкретного субъекта права с

такой идентифицированной информацией. В силу того, что доступ к конкретной информации в киберпространстве может получить любой человек независимо от его места нахождения, политика распространения юрисдикции конкретного государства на ту или иную информацию в сети бессмысленна [11].

Так как информация в любом случае будет находиться в глобальном доступе, а отношения, которые возникнут по поводу этой информации не смогут быть урегулированы в рамках юрисдикции одного государства, как минимум из-за того, что в данном случае субъект такого отношения может не являться гражданином страны, чьей информацией он воспользовался.

Именно поэтому определение юрисдикции по местонахождению информации на сервере не является верным. Например, в деле *Steven Rambam v. JDO*, американский суд установил недостаточность критерия нахождения сервера для установления юрисдикции [12].

Конструирование, а именно перевод контента одного сайта на адрес другого, которое проявляется в наличии перекрестных ссылок, делает политику идентификации интернет-ресурсов еще более условной, и является неотъемлемой частью глобальной сети. Такая особенность киберпространства обуславливается спецификой сети Интернет и также делает очевидной неэффективность применения понятия географической территориальности и юрисдикции в международном праве, поскольку в информационном пространстве почти теряется связь с физическим местоположением [13].

В обсуждаемом контексте следует заключить, что существует потребность в разработке норм международного права, иным образом дифференцирующих правовую режим киберпространства, и таким образом решающих проблему возможных государственно-кибернетических коллизий. Проблема реализации государственного суверенитета и юрисдикции в киберпространстве не может быть урегулирована самостоятельно ни в одном государстве, исходя только из существующих норм национального законодательства. Решение этой проблемы возможно лишь принятием соответствующей международной конвенции.

Так, внедрение Интернета и ИКТ в поле международно-правового регулирования необходимо, так как современные технологии вытесняют понятие географической территориальности. Однако такие нововведения могут поставить под угрозу основополагающие принципы традиционного международного права.

Считаем, международное право должно адаптировать свои догмы к внегосударственным информационным образованиям, в частности, через адекватную интерпретацию категории «государственный суверенитет». Только в этом случае понятие государственного суверенитета будет актуально в условиях информационной глобализации.

Дэвид Пост и Дэвид Джонсон также придерживаются этой позиции, говоря о том, что многие из юрисдикционных и иных существенных проблем, возникающих в сфере всеобъемлющих коммуникационных технологий, могут быть разрешены с помощью одного простого принципа: представление о киберпространстве как об отдельном «месте» в целях осуществления юридического анализа путем признания юридически значимой границы между киберпространством и «реальным миром». Они считают, что киберпространство не может и не должно быть урегулировано теми институтами международного права, которые осуществляют правовое регулирование на материальной территории.

Следовательно, очевидна невозможность приравнивания территориальных границ к виртуальным, также, как и невозможно применение традиционной концепции суверенитета в киберпространстве.

С теоретической точки зрения, идеальной моделью регулирования общественных отношений в рамках киберпространства, являются проекты виртуальных госу-

дарств, создаваемых в киберпространстве. Так, например, И. Фергюсон и Р. Мэнсбэк говорят о «Свободная бирманской коалиции», как об одном из таких государств. Территориально данное государство существует лишь в киберпространстве и «предлагает свою поддержку, которая трудно достижима географически» [14]. То есть, модели таких государств в идеале могут защищать права своих «граждан» вне зависимости от их географического нахождения.

Другой пример, на который хотелось бы указать заключается в том, что в теорию суверенитета «вшита» и концепция национально-культурной идентичности и общественной целостности. В тоже время современные гиперпространства в рамках структуризации онлайн сообществ, групп и проч. используют многие эти традиционные элементы, фрагментируя и адаптируя их для определения границ виртуального сообщества и идентификации [15]. Иными словами, сформированные социально-культурные, политические и правовые механизмы используются в качестве виртуальных технологий «социальной сборки» [16], происходит отграничение (определение границ виртуального сообщества, установление виртуальных маркеров, символов и проч.) и идентификация (определение свои-чужие, процедуры включения в сообщество, управление текучестью и проч.)

Более того, в контексте структуризации онлайн сообществ происходит и установление нормативов, кодексов поведения, этических стандартов и властных инстанций (точек сборки в сетевом взаимодействии) и др. Однако, в качестве ведущих мотивационных оснований этих «виртуальных сборок» в современном гиперпространстве и самой активности виртуальных акторов в большей степени лежат не традиционные идейно-смысловые элементы или ориентированность на ценностно-нормативное единство, а формы социального, политического, этнического и другого самовыражения, свободное конструирование и изменение границ социальных сообществ и развитие онлайн коммуникации.

Данная проблематика, конечно, нуждается в отдельном исследовании, но и здесь следует отметить, что очевидно нарастание глубинных противоречий между ассоциативными, сетевыми (онлайн) сообществами, глобальными структурами гиперпространства и внесетевыми (офлайн, традиционными) формами социокультурной коммуникации и политической мобилизации, на которых базировалась классическая теория суверенитета.

Проблема соотношения категорий «государственный суверенитет» и «киберпространство» приобретает особое значение, так как неурегулированность этого вопроса может повлечь за собой серьезные международные конфликты и международно-правовые коллизии. Мы полагаем также, что неспособность на теоретическом уровне концептуализировать указанное соотношение, может в будущем привести к дискредитации таких понятий как «национальное государство» и «государственный суверенитет».

ВЫВОДЫ

В настоящее время существует острая необходимость, во-первых, в концептуализации и содержательном оформлении киберпространства как сферы реализации общественных отношений, в том числе правового типа. Так, либо мы считаем киберпространство, по Барлоу, свободно функционирующей и не предполагающей вмешательства государства средой – это первый, по нашему мнению, крайне маловероятный вариант. В случае же если мы делаем попытку включить киберпространство в существующий теоретический категориально-понятийный аппарат, совершенно очевидным становится острая необходимость изменения существующего правового инструментария, причем как фундаментального теоретического, так и позитивно-правового.

По нашему мнению, в рамках второго аспекта указанной проблемы, наиболее перспективными являются

два пути:

1) попытка разработки и создания вне территориального международного органа, который будет обладать не только возможностью контроля общественных отношений в рамках киберпространства, но и специальными рычагами принуждения для воздействия на граждан любых государств. Данный вариант является «идеальным решением» поставленной проблемы, так как при таком раскладе традиционное понятие государственного суверенитета в международном праве не утратит своего значения.

Однако, мы полагаем, что вероятность его реализации невелика, так как создание такой масштабной структуры, обладающей возможностью принуждения и не подпадающей под юрисдикцию того или иного государства, является крайне рискованным шагом для мирового сообщества. Попытка принятия такого шага была предусмотрена в Будапештской конвенции «О борьбе с киберпреступностью», подготовленной Советом Европы в 2001 году [17]. Конвенция подписана представителями 30 стран в ноябре 2001 года. Она предусматривала создание транснационального органа, работающего в режиме реального времени и имеющего возможность удалять материалы вне зависимости от физического местонахождения интернет-ресурса. Однако, положения данной конвенции так и не были реализованы [18].

2) создание глобальной системы международных актов, которая бы регулировала большую часть существующих вопросов о взаимодействии лиц в киберпространстве и включала в себя четкий механизм быстрого реагирования на возникновение новых отношений в указанной сфере. Таким образом понятие суверенитета в международном праве стало бы включать в себя не только географическую территорию, но и объем потенциальных действий и возможностей, которые может совершать конкретное государство, как актор киберпространства. Попытку создания такого соглашения предприняла Российская Федерация в 2011 году. Концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности явилась проектом глобального международного документа, охватывающего все ключевые вопросы противодействия угрозам из киберпространства в широком российском понимании.

Однако, такой подход встретил резкое сопротивление со стороны США. Заместитель госсекретаря США М. Познер заявил о неприемлемости предложений, «превращающих Интернет из пространства, управляемого множеством людей и заинтересованных сторон, в подконтрольную центральным правительствам систему» [19]. Другими словами, данный вариант также является сложно реализуемым, так как по мнению некоторых стран мирового сообщества он может противоречить основным принципам демократии [20].

Необходим пересмотр и содержательная корректировка как самой теории суверенной государственной власти, так и анализ современных цифровых технологий переноса «суверенных характеристик» государственно-властования на структуриацию и нормативно-правовое регулирование гиперпространства со стороны ряда государств. Очевидно, что к сформулированным моделям виртуального государства невозможно применение понятия государственного суверенитета, так как речь не идет ни о реальной территории, ни о юрисдикции конкретного традиционного государства. Однако, исходя из всего вышеизложенного, следует также и вывод о том, что идея о «надправовом» регулировании отношений, возникающих в киберпространстве, в принципе может включить классическое понимание суверенитета в международном праве или сформировать новую теоретико-практическую модель суверенной гиперсуверенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ezron Kaijuka. *The world of Innovations and Cyber Law* (2018). URL: https://www.academia.edu/37992759/the_world_of_innovations

and cyberlaw.docx

2. Barlow, J. P. *Declaration of Independence of Cyberspace*, 1996.
3. Кукушкина С. М. Государственный суверенитет в современном мире: Актуальные проблемы // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-v-sovremennoy-mire-aktualnye-problemy>
4. Мамычев А.Ю. Государственная власть социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 290 с.
5. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186-197.
6. Фукуяма Ф. *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*. М., 2007.
7. Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика*. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
8. Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М., 2006.
9. Darrel Menthe (2018). *Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces* 4 Mich.Tel.Tech.L.Rev.3 April 23. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=mttlr>
10. Kristen E. *The Cyber-Law of Nations*. California; Los Angeles (UCLA) URL: <https://georgetownlawjournal.org/articles/63/cyber-law-of-nations/pdf>
11. *American Libraries Ass'n v. Pataki* 1997 // U.S. District Court for the Southern District of New York URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/969/160/1808497/>
12. Эрин Ансельмо. Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие Интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. 2006. №2. С. 24-31.
13. *Jewish Defense Organization, Inc. v. Superior Court (Rambam)* 1999 // Court of Appeal, Second District, Division 7, California URL: <https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/4th/72/1045.html>
14. Искевич И.С., Кочеткова М.Н., Попов А.М. Актуальные проблемы определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 54-59.
15. Brown K., Kaya S. *The problems of International Finance Law and Electronic Commerce*. Sydney, 2000. P. 56.
16. David R. (1996). *Johnson and David G. Post, Law and Borders—The Rise of Law in Cyberspace*, Stanford Law Review. Vol. 48, 1367, 1378–9.
17. Fergusson Y.I. *Technology and the Transformation of Global Politics* / Y.H. Pergusson, R.W. Mansbach // Paper prepared for the 2000 Annual Meeting of International Studies Association, Los Angeles, March, 2000.
18. Mamychev A., Okorokov A., Bepalova T., Sviridkina E. (2018). *Civilizational modeling of political and legal development of the society in the XXI century* // Amazonia Investiga. Vol. 7. Num. 15 (Julio-Agosto 2018). P. 49-57.
19. Ло Дж. *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
20. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185: Будапешт, 23 ноября 2001 г. // Справочная правовая система «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/4089723/>
21. Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 40–44.
22. Бедрицкий А.В. Международные договорённости по киберпространству: возможен ли консенсус? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С.126.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ «Национально-культурные и цифровые доминанты развития политических отношений в XXI веке» (№ 19-011-31031)

Статья поступила в редакцию 18.09.2019

Статья принята к публикации 27.11.2019